

UNITED WISDOM

Суннитские и шиитские традиции: история различий и внутреннее многообразие

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-25-N05 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Суннитские и шиитские традиции: история различий и внутреннее многообразие

> *«Чтобы вы узнавали друг друга.»*
>
> *Коран, 49:13, фрагмент; английский перевод Dr. Mustafa Khattab, The Clear Quran. Русский перевод автора статьи с английского. Аят говорит о народах и племенах; его применение к межшкольному диалогу здесь аналитическое.*

О чём эта статья

Две музейные таблички кажутся достаточными, пока посетитель не начинает читать имена, школы и историю за ними. Суннитские и шиитские традиции действительно различаются, но каждая включает многообразие, которое исчезает в слишком удобной паре ярлыков. Мы рассмотрим вопрос руководства после смерти пророка Мухаммада, разные способы понимания авторитета, суннитские правовые школы и несколько шиитских линий. Отдельно обсудим Кербелу как событие и религиозную память, сохранив различие истории и вероучительного смысла. Затем обратимся к конкретным источникам: нормативное руководство ас-Систани представляет двунадесятническую усулитскую позицию, а современное Амманское послание — заявленный принцип взаимного признания, не отмену всех разногласий. Сопоставление с христианскими вероисповедными документами поможет понять, почему общий словарь не гарантирует одинаковых оснований. Современные сценические примеры принадлежат нашему анализу. Цель статьи — читать различия без скрытого превращения одной группы в норму и другой в отклонение, а человека — в исчерпывающую иллюстрацию своей принадлежности.

I. После пророка: вопрос о руководстве общиной

Смерть пророка Мухаммада в 632 году поставила перед общиной вопрос о дальнейшем руководстве. В кратком введении Harvard Pluralism Project различие представлено через признание Абу Бакра и через позицию сторонников Али, двоюродного брата и зятя пророка. Такое введение задаёт направление, но не заменяет исследования постепенного формирования традиций.

@andrey.zarinsh @ilkutki

На воображаемой экскурсии посетитель останавливается у двух подписей: «суннитский» и «шиитский». Он быстро спрашивает, чем отличаются люди за этими словами. Первый ответ перечисляет даты, второй — обряды, третий сводит всё к конфликту. Ни один пока не объяснил, что человек делает, когда признаёт религиозный авторитет, сохраняет память и принадлежит определённой общине.

В научном обзоре Фархада Дафтари «Diversity in Islam: Communities of Interpretation» подчёркиваются постепенность разработки учений и трудности реконструкции раннего периода. Поздние авторы рассказывают о начале из собственных общинных перспектив. Поэтому готовые доктрины последующих столетий нельзя без проверки приписать всем участникам самого раннего спора.

Вопрос о преемстве затрагивал больше, чем выбор администратора. Что даёт человеку право руководить? Как связаны управление и истолкование откровения? Кто признаёт преемника и на каких основаниях? Разные ответы на эти вопросы способны изменить устройство религиозной жизни, даже когда община обращается к общему исходному наследию.

Для пояснения рассмотрим ограниченную современную аналогию. После ухода основателя сообщества участники согласны, что его труд нужно сохранить, но расходятся о способе продолжения. Одни придают решающее значение признанной процедуре, другие — особому назначению преемника. Здесь спор касается не только личности следующего руководителя, но и основания его полномочий. Эта аналогия не объясняет божественное руководство и не приравнивает ислам к организации; она показывает структуру вопроса.

Важно не превращать её в готовую оценку. Процедурное признание не обязательно означает равенство всех участников в современном политическом смысле. Особое назначение не обязательно сводится к семейной привилегии. Внутри религиозной традиции оба вопроса имеют основания, которые должны быть услышаны в её собственном языке.

Поэтому начальная историческая точка помогает увидеть предмет различия, но не делает его простым. Между событием, памятью о событии и разработанным учением лежит труд многих поколений. История требует следить за этими переходами, вместо того чтобы считать позднейшую карту точной фотографией первого дня.

Можно спросить, делает ли постепенное формирование учения его менее значимым для верующего. Историческое описание само по себе этого не решает. Для религиозного участника развитие может пониматься как прояснение верного основания; для исследователя оно обозначает последовательность доступных свидетельств и изменений формулировок. Смешав эти вопросы, легко получить спор, в котором одна

сторона сообщает дату текста, а другая отвечает о его религиозной истинности. Дата важна, но не является сама по себе ни подтверждением, ни опровержением откровения. Точность требует сначала определить, какое утверждение стороны собираются исследовать, и не использовать ответ на один вопрос как автоматическое решение другого.

II. Авторитет: кто вправе истолковывать наследие

В шиитских традициях имамат связан с особым значением семьи пророка и Али. Но содержание этого положения и линии преемства различаются между ветвями. В суннитских традициях существенное место занимают Коран, Сунна и работа признанных учёных. Отсутствие единой для всех мусульман институции не означает отсутствия авторитетов или методов проверки.

Здесь полезно различить три основания признания. Человек может считаться компетентным благодаря обучению. Он может занимать должность в учреждении. Он может иметь особый религиозный статус согласно вере общины. Эти основания способны соединяться, но не являются синонимами. Если их смешать, любое обсуждение превращается в спор о единственном слове «власть».

В нашей условной ситуации учитель знает язык источника, но не руководит общиной. Руководитель организует её работу, но не претендует на глубокое толкование каждого текста. Третья фигура почитается как духовный наставник. Чтобы понять отношения между ними, недостаточно спросить, кто «главнее». Нужно выяснить, какую задачу каждый выполняет и какие полномочия признаются за ним.

Религиозные положения об имаме идут дальше обычного уважения к преподавателю. Если община верит в особое руководство, внешний исследователь должен передать эту веру как веру, а не объявлять её установленным научным фактом или маскировать под бытовую компетентность. Он может изучать, как представление об авторитете выражается в текстах и практиках, не вынося за общину её религиозное решение.

Вместе с тем признание учёного не означает, что каждый его пересказ достоверен или любое суждение одинаково относится ко всем ситуациям. Необходимы язык, контекст, точность передачи и знание обстоятельств. Авторитет живёт через формы признания и работы; он не исчерпывается эмоциональной уверенностью слушателя.

Для читателя центральный вопрос становится определённее: какая форма авторитета здесь имеется в виду? Ответ позволяет понять разногласие без поспешного вывода, будто одни люди «следуют разуму», а другие «следуют личности». В действительной религиозной жизни рассуждение, передача, доверие и принадлежность могут взаимодействовать сложнее такой пары.

Авторитет имеет и отношение к времени. Ссылка на автора прошлого требует понимания того, как его высказывание передано и применяется. Признание ныне живущего наставника требует выяснить, какие вопросы к нему обращены и какое значение имеет его объяснение. Одинаковая фраза «мы следуем» может скрывать разные связи с текстом, человеком и общиной. Поэтому содержательное сравнение начинается не с оценки степени послушания, а с описания этой связи. Тогда становится виден предмет разногласия: например, кому принадлежит толкование или как сохраняется его достоверность. Мы получаем возможность обсуждать основания без предварительного приписывания чужой стороне недостатка самостоятельности.

III. Суннитское многообразие: право и богословие

Суннитская традиция включает четыре широко известных правоведческих мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. Их перечисляет, среди других школ, первый пункт Амманского послания. Мазхаб — правоведческая школа; его название не сообщает автоматически все взгляды каждого принадлежащего к ней человека.

В обзоре Дафтари обсуждаются также ашаритское и матуридитское богословские направления. Правоведческая и богословская классификации отвечают на разные вопросы. Нельзя поставить их в один ряд так, будто человек должен выбрать либо школу права, либо богословское направление, либо форму духовной практики. Исторические связи между ними важны, но не превращают категории в тождественные.

Рассмотрим условную библиотеку. Книги на одной полке посвящены практическим предписаниям, на другой — свойствам Бога и основаниям веры, на третьей — воспитанию человека. Автор может обращаться ко всем трём полкам. Сама полка помогает ориентироваться в вопросах, но не помещает жизнь автора в закрытый ящик.

Поэтому расхождение в отдельном предписании не означает, что участники исповедуют совершенно разные религии. Но и общая принадлежность не позволяет заранее считать расхождение несущественным. Значение вопроса выясняется по предмету, доводам и его месту в практике. То, что внешнему наблюдателю кажется мелкой деталью, может быть важным для исполнения религиозного обязательства.

Особая осторожность нужна со словом «традиционный». Оно может обозначать конкретную цепь передачи, сложившуюся практику или оценку автора, считающего свою позицию более верной. Без уточнения слово легко становится способом исключить чужую позицию, не объяснив её. Историческое описание должно сообщать, кто именно использует характеристику и что имеет в виду.

Суннитское многообразие поэтому лучше понимать через множество вопросов и дисциплин, а не через перечень человеческих типов. Название школы не предсказывает темперамент, степень образованности или отношение к соседу. Оно даёт важную часть карты, после которой ещё необходимо читать конкретный текст и слушать конкретного человека.

Внешне наблюдаемое действие тоже не всегда позволяет точно установить школьную принадлежность. В нашей условной сцене два человека выполняют похожую практику и объясняют её по-разному; третий разделяет объяснение одного, но изменяет отдельную форму по обстоятельствам. Чтобы понять различие, нужны их слова и контекст, а не только фотография. Этот пример не утверждает конкретного религиозного правила. Он напоминает об ограничении наблюдения: видимая форма и обосновывающее её учение связаны, но связь нельзя произвольно восстановить по одному фрагменту. Чем больше значения мы придаём различию, тем внимательнее должны проверять, что оно действительно установлено.

IV. Шиитское многообразие: линии имамата и способы знания

Исследовательская программа Shiʿi Studies Unit Института исмаилитских исследований выделяет три основные ветви: двунадесятническую, исмаилитскую и зейдитскую. Это начало различения, а не полный перечень всех исторических групп. Формула «шииты считают» часто требует уточнения, какая ветвь, автор и эпоха имеются в виду.

Двунадесятники признают линию двенадцати имамов от Али и верят в сокрытие последнего имама и его будущее явление. Зейдитское понимание требований к имаму и преемству отличается; обзор Дафтари описывает роль происхождения, религиозного знания и деятельного предъявления права на руководство. Эти положения нельзя свести к единой схеме наследования от отца к сыну для всех шиитов.

Исмаилитская история также включает внутренние различия. В исследовании Дафтари «Ismaʿili History» показан, в частности, раскол на низаритскую и мусталитскую линии после спора о преемстве в 1094 году. Поэтому выражение «исмаилитский имам» требует своего исторического контекста; нельзя объявлять Исмаила последним имамом всех последующих исмаилитских общин.

Различались и правоведческие методы внутри двунадесятнической истории. Арон Зисоу, «Ejtehād», рассматривает споры о допустимости и пределах иджтихада, обосновании выводов и статусе переданных сообщений. Это не столкновение «думающих» с «недумающими», а разногласие о том, каким образом сохранять и понимать авторитетное наследие.

Наш аналитический вывод скромен: общее имя не отменяет вопросов внутри традиции. Если мы узнали одну школу или одно руководство, нельзя выдавать его за подробное описание всех шиитов. Даже общая формулировка веры может выражаться в разных языках, учреждениях и способах объяснения.

Многообразие не означает, что различия случайны или все позиции одинаковы. Для участников спор может касаться самой верности религиозному основанию. Уважительное знакомство не обязано ослаблять эту серьёзность. Оно должно передать её без приписывания каждому человеку всех положений, которые когда-либо встречались под общим названием его традиции.

V. Кербела: событие, память и религиозный смысл

В 680 году Хусейн, сын Али и внук пророка, погиб в столкновении с омейядским войском при Кербеле. Меир Литвак в статье «Karbala» рассматривает событие, паломничество и развитие значения города в шиитской истории. Историческое описание гибели и религиозное понимание мученичества связаны, но не являются одним типом утверждения.

Память о Хусейне особенно важна для шиитской религиозной жизни. Однако её формы нельзя свести к одной внешне заметной сцене. Чтение, рассказ, собрание, паломничество и обряд имеют собственные значения и историю. Зрелищный фрагмент, выбранный сторонним наблюдателем, редко объясняет весь мир практики.

Чтобы понять различие между событием и памятью, рассмотрим наш условный семейный пример. В семье сохраняется рассказ о человеке, поступившем мужественно в тяжёлое время. Дата сообщает, когда произошло событие. Ежегодное собрание показывает, как рассказ входит в жизнь потомков. Значение мужества выражает оценку. Эти уровни связаны, но сведения о дате не исчерпывают смысла собрания.

Религиозная память, разумеется, не сводится к семейному воспоминанию. Аналогия помогает лишь увидеть, почему вопрос «что фактически случилось?» и вопрос «что это означает для общины?» требуют разных объяснений. Внешний исследователь может проверить обстоятельства обряда и историю его форм. Религиозное значение он передаёт с указанием перспективы верующих.

Не следует также делать из важной памяти неизменный психологический портрет каждого участника. Память о страдании не доказывает, что человек живёт только обидой. Почитание мужества не сообщает заранее его отношение ко всем современным спорам. Между общинным наследием и индивидуальной жизнью есть множество способов участия.

Ответственное знакомство поэтому начинается с вопроса о значении практики для тех, кто её совершает. Затем можно рассмотреть исторические изменения и разногласия. Порядок важен: если сразу назначить обряду собственное объяснение, последующие ответы людей будут восприниматься лишь как иллюстрации к уже готовой теории, а не как возможное уточнение нашего понимания.

У памяти есть ещё один важный предел: серьёзность чужого почитания не обязывает наблюдателя симулировать собственную веру. Он может слушать внимательно, соблюдать договорённости встречи и честно сказать, что пока понимает только часть смысла. Участник, в свою очередь, не обязан заменять религиозное объяснение более удобным светским, чтобы заслужить уважение. Встреча становится возможной, когда стороны различают признание важности для человека и согласие с каждым положением его веры. Тогда вопрос о памяти не превращается ни в проверку чужой лояльности, ни в требование доказать свою рациональность перед заранее назначенным судьёй.

VI. Совпадающие слова не отменяют разных оснований

Суннитские и шиитские традиции обращаются к Корану, пророку Мухаммаду и религиозной жизни перед Богом. Амманское послание, пункт 2, подчёркивает общие основания и практики перечисленных школ. Это нормативная работа по взаимному признанию; её нельзя превратить в заявление, будто все богословские разногласия исторически были только незначительными подробностями.

Слова «имам», «сунна» или «община» могут встречаться в разных традициях, сохраняя не вполне одинаковую роль. Поэтому простая таблица совпадающих слов не доказывает совпадения их значений. Но различие значений не доказывает и полного отсутствия общего предмета. Требуется исследовать употребление, а не выбирать одну из крайностей заранее.

Условный пример — слово «учитель». В одной ситуации оно означает преподавателя дисциплины, в другой — наставника духовного пути, в третьей — почитаемого автора прошлого. Если спросить, должен ли ученик следовать учителю, ответ будет зависеть от того, какая связь подразумевается. Само совпадение слова эту связь не устанавливает.

При переводе религиозных понятий цена неточности возрастает. Русское слово может вызвать привычную ассоциацию с другой традицией или светским институтом. «Духовенство» и «церковь» иногда помогают начать объяснение, но могут скрывать важные особенности устройства исламских авторитетов. Аналогия полезна, пока её границы названы; затем нужно возвращаться к собственным понятиям изучаемого предмета.

Общее наследие также не означает одинакового корпуса всех переданных сообщений или одинаковой оценки каждого исторического лица. Различия требуют внимательного чтения конкретных источников. Нельзя выводить качество чужой религиозной жизни из того, что она не воспроизводит знакомую нам форму передачи.

Хорошее сравнение удерживает одновременно сходство и различие. Оно может сказать: стороны обращаются к общему основанию, но по-разному понимают полномочие толкователя. Или: практики имеют похожее название, но различаются отдельными условиями. Такой язык менее эффектен, чем утверждение о полном единстве или полной чуждости, зато даёт читателю возможность увидеть сам предмет.

Отсюда следует и граница универсального пересказа. Если ради простоты мы оставляем только самые общие слова, читатель может решить, что серьёзных различий почти нет. Если перечисляем исключительно отличия, исчезает общий религиозный мир, внутри которого они имеют смысл. Нужно назвать несколько опорных вопросов и показать, где ответы сближаются, а где расходятся. Полный перечень не требуется для первого знакомства, но выбор должен быть объяснимым. В этой статье такими вопросами стали преемство, толкование, правоведческая работа и память. Они помогают продолжить чтение, не обещая, что краткий обзор уже заменил знание каждой традиции.

VII. Как читать источники, не выбирая скрытую «норму»

Описание традиции бывает внутренним, полемическим или исследовательским. Внутренний текст объясняет, чему следует верить или как поступать согласно определённой позиции. Полемический защищает одну сторону и оспаривает другую. Исследовательский восстанавливает контекст, проверяет свидетельства и сравнивает интерпретации. Один автор может сочетать несколько задач, поэтому жанр нужно определять по работе текста, а не только по обложке.

Например, руководство Али ас-Систани о следовании правоведу — первичный источник конкретной двунадесятнической позиции. Оно полезно для понимания того, как в ней различаются основы веры и практические предписания. Но источник не становится описанием всех шиитских ветвей, всех исторических периодов или внешним исследованием их отношений.

В обзоре Дафтари отдельно рассмотрены идеализированные общинные образы прошлого и поздние классификации других групп. Наш следующий вывод касается метода чтения: если один автор называет свою сторону истинной, а другую заблуждающейся, исследователь должен передать эти характеристики как его позицию. Иначе оценка незаметно превращается в безличный голос всей истории.

Опасность особенно велика, когда наиболее знакомая читателю группа становится фоном без названия. Её текст тогда выглядит просто «исламским», а каждый другой текст получает дополнительную пометку. Неравенство возникает ещё до сравнения доводов: одна позиция уже признана исходной, другая заранее обязана оправдывать своё существование.

Исправить это можно точностью атрибуции. Кто автор? Какую общину и школу он представляет? Когда написан текст? На кого направлено возражение? Есть ли источники самой описываемой стороны? Такие вопросы не требуют объявить все положения одинаково истинными. Они требуют не выдавать принадлежность автора за отсутствие перспективы.

Наконец, первичный текст и научный обзор решают разные задачи. По первичному тексту можно узнать самоописание и аргумент. Научное исследование помогает рассмотреть контекст и ограничения. Читая только обзор, мы рискуем потерять внутренний язык традиции. Читая только её утверждение о себе, рискуем не заметить историю формирования и разногласия. Сопоставление этих работ делает описание содержательнее.

При сопоставлении не нужно требовать, чтобы источник был лишён всякой перспективы. Важнее, чтобы его утверждения можно было проверить в обозначенных пределах. Учёный может быть участником традиции и внимательно работать со свидетельствами. Внешний наблюдатель может претендовать на беспристрастность и всё же повторять чужую полемическую классификацию. Принадлежность автора сама по себе не завершает оценку исследования. Полезно посмотреть, как он различает свидетельство и вывод, сообщает неопределённость и обращается с возражениями. Именно такая работа делает перспективу видимой и позволяет читателю не только довериться результату, но и понять основания доверия.

Точнее, руководство ас-Систани представляет двунадесятническую усулитскую позицию. «Усулитский» здесь обозначает определённое отношение к принципам правового исследования; исторический спор с ахбаритами не позволяет считать эту модель единственным способом знания у всех шиитов.

VIII. Как общие названия скрывают различия внутри традиции

Внутреннее многообразие лучше видно при чтении двух конкретных документов, чем при перечислении общих ярлыков. Это относится не только к исламской истории. Сравнение может проверить сам наш способ классификации, не превращая одну религию в модель другой.

Аугсбургское исповедание, статьи IX–X утверждает крещение детей и истинное присутствие тела и крови Христа в Вечере. Baptist Faith and Message, VII описывает крещение верующего погружением и символическую Вечерю. Оба документа принадлежат христианским традициям, используют общий словарь и при этом расходятся в содержании важных утверждений. Следовательно, название «протестантский» не предсказывает ответ на всякий вопрос, как и название «суннитский» не указывает автоматически правовую школу или богословский подход конкретного человека. Но линии протестантской истории не являются копией исламских различий: это сравнение ошибки классификации, а не одинакового происхождения раскола.

Различие авторитета требует столь же точного чтения. В Dei Verbum, §§9–10 католическое учительство связано с Писанием и Преданием. В руководстве ас-Систани определённым образом организованы иджтихад и следование правоведу. Сходство состоит только в том, что текст и компетентное толкование не разорваны. Ни католический институт, ни двунадесятническая усулитская практика не служат универсальной схемой для всех общин своей религии. В частности, вторую нельзя распространить на исмаилитов, зейдитов или весь исторический шиитский спектр.

Сам исламский материал поэтому следует читать по меньшей мере в трёх координатах: историческое формирование линии, её заявленный источник авторитета и конкретный предмет нынешнего вопроса. Разногласие о праве не совпадает с разногласием о богословии; принадлежность к имаматской линии не заменяет ответа о способе правового знания.

Для посетителя музея это меняет следующий шаг. Вместо вопроса «какая табличка описывает всех правильно?» он может спросить, когда возникла эта классификация, какую позицию представляет предмет и что сама община утверждает о его смысле. Тогда общее название остаётся полезным указателем, но перестаёт быть кратким разрешением не читать дальше. Не требуется отменять различия ради уважения. Требуется понять, какие именно различия обсуждаются и кто вправе быть представлен данным источником.

IX. Принадлежность не заканчивает историю человека

Названия «суннитский» и «шиитский» важны: за ними стоят память, учения, способы признания авторитета и формы религиозной жизни. Без этих названий различия исчезают из поля зрения. Но когда название начинает объяснять человека целиком, оно перестаёт быть средством понимания и становится готовым заменителем встречи.

История показывает постепенное формирование традиций и внутренние разногласия. Вера участников придаёт этому наследию значение, которое не исчерпывается хронологией. Наш современный анализ помогает различить уровни, но не имеет права объявлять их одним и тем же или без остатка переводить религиозную жизнь в язык внешней полезности.

Уважение здесь требует двух усилий. Первое — узнать действительные различия, не растворяя их в общем благожелательном лозунге. Второе — не переносить всё знание о традиции на отдельного человека без разговора с ним. Иначе даже подробная эрудиция может стать неточной в момент встречи.

Для читателя важно также различить два типа вывода. Одно точное руководство позволяет утверждать, что определённая позиция существует в обозначенной традиции. Оно не устанавливает, что её разделяют все носители общего имени. Если встречается иная позиция, общее утверждение придётся уточнить; однако из этого тоже не следует, что внутри традиции вообще нет устойчивых правил. Например, рассмотренное руководство ас-Систани остаётся содержательным свидетельством двунадесятнической усулитской работы после того, как мы отказались приписывать его всем шиитам. Сужение области не обесценивает источник. Оно помогает удержать его реальное значение и точнее выбрать следующий вопрос: нужна ли нам позиция этого правоведа, история конкретной школы или описание личной практики собеседника? Каждый из этих предметов требует подходящего свидетельства, даже если в каталоге они находятся под одним названием.

Посетитель из нашего зачина возвращается к двум музейным подписям. Теперь они открывают вопросы: о преемстве, праве, памяти, знании и конкретной общине. Он ещё не знает всех ответов, зато меньше склонен считать, что два слова уже сообщили ему всё. Иногда понимание начинается именно с этого изменения: имя больше не закрывает человека, а помогает найти точный вопрос к его миру.

Что это значит на практике

Если вам предстоит разговор с человеком о его религиозной принадлежности, начните с конкретного предмета. Вместо требования объяснить «всех шиитов» или «всех суннитов» можно попросить рассказать, какое место определённая практика или учение занимает в его общине. Так человек не становится назначенным представителем миллионов незнакомых ему людей.

После ответа различите три уровня: что сказано о личной жизни, что — о позиции школы и что — об истории. Человек может знать своё участие в практике лучше, чем подробности её происхождения. Историк может уверенно разобрать происхождение и

не говорить от имени каждого нынешнего участника. Это разные компетенции, которые не нужно заставлять конкурировать.

Если вы читаете утверждение о другой традиции, найдите источник самой стороны и хотя бы один содержательный научный разбор. Не для механического равновесия двух цитат, а чтобы проверить предмет: не приписано ли группе то, чего она сама не утверждает, не взята ли полемическая реплика за определение, не потеряны ли условия и эпоха.

Попробуйте заменить общее предложение более определённым. Вместо «шииты признают такую власть» укажите ветвь, автора и смысл власти. Вместо «сунниты не согласны» назовите вопрос и источник несогласия. Если сведений пока недостаточно, оставьте это видимым. Точность начинается раньше окончательной оценки.

Отдельно проверьте, не выводите ли характер человека из принадлежности. Суждение о конкретном поступке требует сведений о поступке. Позиция человека по определённому вопросу узнаётся из его слов и действий. Религиозное имя может помочь поставить вопрос, но не должно заранее дать ответ, который мы ещё не получили.

Это наше современное упражнение в чтении и разговоре. Оно не является религиозным решением о статусе групп и не требует от верующего отказаться от собственной убеждённости. Можно сохранять серьёзное разногласие и точно описывать другую сторону. Внимание к человеку не зависит от обещания, что после разговора все примут одну позицию.

Ключевая цитата

> *«Состязайтесь друг с другом в добрых делах.»*
>
> *Коран, 5:48, фрагмент; английский перевод Dr. Mustafa Khattab, The Clear Quran. Русский перевод автора статьи с английского. Контекст отношений откровений и общин не превращается в утверждение одинаковости всех доктрин.*

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Историческое влияние не утверждается там, где для него не приведено свидетельство.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Большая семья и частная позиция	Исламское многообразие: Дафтари — Аугсбургское исповедание IX–X — BFM VII	Общее название семьи не предсказывает все убеждения её участников.	Протестантские различия не воспроизводят происхождение суннитских и шиитских линий; сопоставляется классификация.
Текст и компетентное толкование	Ас-Систани: начало Islamic Laws — Dei Verbum 9–10	Авторитет источника сопровождается определённым порядком толкования.	Двунадесятническая усулитская рамка и католическое учительство институционально и богословски различны.
Правовой метод внутри шиитской истории	Усулиты и ахбариты: Зысов — Ас-Систани: нормативный пример	История правового знания содержит внутренние споры о методе.	Современный усулитский пример не описывает все шиитские течения и не заменяет историческую карту.
Признание и согласие	Амманское послание, пункты 1–2 — Аугсбургское исповедание VII	Граница общности обсуждается отдельно от полного единообразия.	Критерии мусульманского признания и лютеранского церковного единства разные; нормативные документы не устанавливают всемирного согласия.
Различие и поступок	Коран 5:48 — AN 3.65	Оценка действия имеет значение рядом с принадлежностью и формулой.	Откровение и буддийская проверка вреда/блага не утверждают общей религиозной системы.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Узнавание и представительство	Коран 49:13 — IIS: разные шиитские линии	Узнавание требует увидеть различия конкретнее общего имени.	Первый текст задаёт религиозный смысл народов/племён, второй — исследовательскую область; исторический перечень не выводится из аята.

Первоисточники

Первичные тексты, нормативные документы и исследовательские комментарии различены в подписях. Название раздела не делает справочное исследование первоисточником.

1. **The Pluralism Project, Harvard University. Sunni and Shi'i Interpretations.** Использовано только начальное объяснение вопроса о преемстве и родства Али с пророком. Некоторые последующие упрощённые формулировки о ветвях не использованы. Введение.

2. **Farhad Daftary. Diversity in Islam: Communities of Interpretation.** Электронный текст IIS; © 2004 Encyclopaedia Iranica, © 2006 The Institute of Ismaili Studies. Прочитаны выборочные части о формировании, источниках, зейдитах, двунадесятниках и суннитском многообразии. Научный обзор.

3. **The Three Points of the Amman Message, V.1.** Использованы пункты 1–2 о признанных школах и общих основаниях. Современный нормативный документ не принят за универсальный исторический консенсус. Текст.

4. **The Institute of Ismaili Studies, Shiʿi Studies Unit. Our Research.** Использована классификация трёх основных ветвей и принцип изучения внутреннего многообразия. Исследовательская программа.

5. **Farhad Daftary. Ismaʿilism iii. Ismaʿili History.** *Encyclopaedia Iranica*. Использованы начало и фрагмент о расколе 1094 года. Научная статья.

6. **Aron Zysow. Ejtehād.** *Encyclopaedia Iranica*. Использованы начальные разделы о спорах двунадесятнических правоведов. Научная статья.

7. **Meir Litvak. Karbala.** *Encyclopaedia Iranica*. Использованы начальные исторические разделы о событии 680 года, паломничестве и памяти. Научная статья.

8. **Ali al-Sistani. Islamic Laws, Chapter One: Following a Jurist (Taqlīd).** Использовано как конкретный первичный двунадесятнический пример; не описание всех шиитов. Официальный текст.

9. **Коран, 49:13. Первичный религиозный текст; английский перевод Dr. Mustafa Khattab, The Clear Quran. Народы, племена и взаимное узнавание.** Текст и использованное место.

10. **Коран, 5:48. Первичный религиозный текст; английский перевод Dr. Mustafa Khattab, The Clear Quran. Закон, путь и добрые дела в контексте отношений откровений.** Текст и использованное место.

11. **Аугсбургское исповедание, статьи VII, IX–X. Первичный лютеранский вероисповедный документ: единство церкви, крещение и Вечеря Господня.** Текст и использованное место.

12. **Southern Baptist Convention. Baptist Faith and Message, VII. Первичный баптистский вероисповедный документ: крещение верующего погружением и символическая Вечеря.** Текст и использованное место.

13. **II Ватиканский собор. Dei Verbum, §§9–10. Первичный католический нормативный документ: Писание, Предание и учительство.** Текст и использованное место.

14. **AN 3.65, Kālāma / Kesamutti Sutta; перевод Thanissaro Bhikkhu. Первичный буддийский текст: оценка качеств и действий с учётом вреда, пользы и суждения мудрых.** Текст и использованное место.

Теги

суннитские традиции, шиитские традиции, ислам, история ислама, религиозное многообразие, авторитет, имамат, халифат, Абу Бакр, Али, Хусайн, Кербела, мазхаб, фикх, богословие, двунадесятники, исмаилиты, зейдиты, усулиты, ахбариты, иджтихад, таклид, Али ас-Систани, Амманское послание, Коран, религиозная память, классификация, межкультурный диалог, вероисповедание, взаимное признание

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и

взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.